

III. RECENZIJOS

Виктория Макарова

Вильнюсский университет
Институт иностранных языков
Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva
E-mail: makarovavv@gmail.com

Научные интересы: политическая лингвистика,
когнитивная лингвистика, риторика

О НОВОЙ КНИГЕ Э. ЛАССАН

ЛАССАН, Элеонора, 2011.
Лингвистика ставит диагноз...
**Очерк «духа эпохи» в свете
данных лингвистического
анализа. Вильнюс: Издательство
Вильнюсского университета.**
252 с. ISBN 978-9955-33-636-5

Я держу перед собой новую книгу профессора Вильнюсского университета Элеоноры Лассан. Метафора, использованная в названии этой книги, отсылает читателя к трудам О. Розенштока-Хюсси¹ и самого автора рецензируемой книги, писавшего о порождении текста на основании концептуальных метафор²,

¹ «Признав, что речь лечит общество от болезней дисгармонии и распада..., остается признать, что грамматика – наиболее очевидный органон обучения общественной жизни. <...> Скажем проще: нужна наука, с помощью которой мы могли бы диагностировать силу, жизнеспособность, единодушие и исправность источника жизненных сил общества – его речи, языка, литературы. Вместо дескриптивной лингвистики... наш метод предлагает лечебную лингвистику, тестирующую силы мира и войны» (РОЗЕНШТОК-ХЮССИ, О., 1996. Речь и действительность. Москва: Лабиринт, с. 19. Цит. по рецензируемому изданию (Лассан 2010, с. 11)).

² Напр., ЛАССАН, Э., 1995. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та.

а также побуждает нас задуматься над закономерно возникающими вопросами: раз речь идет о постановке диагноза – значит, кто-то болен. Эпоха? Раз доктором является лингвистика – значит, у нее есть инструментарий для постановки диагноза. Что это за инструменты и как их использовать?

Элеонора Лассан в данной книге делится с читателями результатами анализа «высказываний (даже слова в составе высказываний) субъектов общественной жизни, касающихся проблем социального взаимодействия в современном обществе» (с. 12). Таким образом, «в книге представлены текстовые и когнитивные тенденции, характеризующие, по мнению автора, российский дискурс конца XX – начала XXI века» (с. 13). Субъектом говорения, чьи высказывания анализировались, являлись не только известные личности (В. Путин, Д. Медведев), но и «самый широкий круг членов этого общества» (с. 20). Не расширился ли от этого диапазон обнаруживаемых автором тенденций? По-видимому, нет, т. к. «широкий круг» высказать может «только то, что им предписывает их идеология» (с. 20).

Во введении «Вместо предисловия» Э. Лассан рассуждает о связи науки и оценочной деятельности, дает читателю возможность вспомнить (или познакомиться) с теорией О. Розенштока-Хюсси о болезнях-бедствиях общества и связанных с ними стилях речи, «актуальным лексиконом» Т. Чередниченко, «эпохой российской Реставрации» С. Бойм. Автор рассуждает о содержании терминов *дискурс*, *идеология* и *идеологизация*, о ценностях и стереотипах о ценностях, о том, как некоторые выражения становятся выразителями мироощущения, например, *на самом деле*.

В I главе «Слово как индикатор когнитивных установок общества» автор говорит о том, как можно вскрыть «собственно когнитивные состояния субъектов дискурса, объединяющие как его рациональные знания, так и его подлинные предпочтения, намерения, “верования”» (с. 25). Это можно сделать путем вычленения т. н. слов-ключей. Для примера автор приводит анализ употребления таких слов, как, например, *к сожалению*, *цель* и *препятствия*, *демократия* и *народовластие*, *справедливость*, *порядок*, *лузер*. Подобные слова могут быть как посылаемым аудитории сигналом, так и ключиком к знанию о том, «чем власть является на самом деле» (с. 80).

Во II главе «Публичный дискурс как индикатор общественного мироощущения» автор пишет об особенностях речевых практик 90-х годов (например, об «усилении прав творящего его» (с. 87), «демонстративной имитации» (с. 94)). Автор также сопоставляет «дискурсивные практики русскоязычных жителей Литвы с российскими дискур-

сивными практиками» того же периода (со с. 94 и далее). Одно из отличий, по мнению автора, заключается в том, что первые характеризуют «тональность саркастического дискурса», «ирония, перешедшая в сарказм, соединенная с неверием в возможность добра» (с. 100) и «пониженное использование прецедентных текстов культуры» (с. 101). В этой же главе автор показывает способы (де)сакрализации власти в СМИ. Например, российский президент в российских СМИ начала нашего века изображается как человек приказывающий, литовский президент В. Адамкус в литовских СМИ не *приказывает*, а *просит* (лит. *prašo*). Объемный раздел посвящен результатам анализа песенного дискурса конца прошлого – начала нашего века. Ибо «и песня содержит в себе определенные коды или, иначе говоря, риторическое выражение стоящей за песней идеологии, как сознательной, так и бессознательной» (с. 118). Например, референтная группа «мы» в песенном дискурсе постоянно меняется: коллективное советское «Мы»³ –> представители определенной профессии⁴ –> близкие по духу люди⁵. Далее появляется «Я»: «Я» действующее и ищущее⁶ –> «Я», утверждающее свою самооценку⁷ –> одинокое «Я»⁸. Читатель благодаря автору также сможет проследить трансформацию в песенной лирике ролей мужчины и женщины, «модели декларируемого речевого поведения в

³ Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

⁴ Не кочегары мы, не плотники...

⁵ А мы стоим, мы курим, / Мы должны услышать три / Минуты тишины.

⁶ Над лодкой белый парус распушу, пока не знаю, с кем.

⁷ Прочь, тревоги, прочь, сомненья! Я теперь стою на этой сцене!

⁸ Полюбила парня, да не угадала...

любковых песнях» (с. 149), «реализации фигуры “я люблю тебя” в современном русском дискурсе о любви» (с. 175).

В III главе автор пишет о трех видах риторики, установленных на основании анализа отношения субъекта дискурса к прошлому и будущему. Проделанный анализ позволяет автору «говорить о раздробленности ценностных установок в современном российском обществе. Если носители одного типа сознания (иронической риторики) ориентированы на модели демократии, скорее, западного образца, то носители иных установок смотрят или на религиозные ценности (ностальгическая реставрационная риторика), или на военное могущество СССР (риторика агрессии)» (с. 205).

В IV главе «Еще раз о метафорах» автор излагает свою концепцию текстопо-
рождения на основе базовых оппозиций и концептуальных метафор и делится «с

читателями двумя идеями, недостаточно, с его [автора. – В.М.] точки зрения, разработанными в политической метафорологии: о базовой метафоре как глубинном предикате дискурса и о парадигме концептуальной метафоры» (с. 209).

В заключении автор подводит итоги и высказывает мнение (с которым нельзя не согласиться) о том, что в наше время «когда средства массовой информации все более совершенствуются в нанесении удара “по крепости рассудка”, когда расплываются ориентиры “добра и зла”, лингвисту дан инструмент для сохранения, прежде всего, гигиены своей умственной жизни. ...Он может понять идеологию эпохи и средства ее внедрения в сознание масс» (с. 244).

Эта книга может представлять интерес не только для лингвистов, но и для всех тех, кому небезразлично состояние современного общества.

Jteikta 2011 m. liepos 1 d.